

Письмо съ войны псаломщика, взятаго на военную службу.

Шлю вамъ привѣтъ и желаю добраго здоровья. Я пока живъ, а вы, вѣроятно, ужъ за-упокой меня поминали. Да и правда, стоялъ я отъ этого недалеко. Ноября 29 и 30 поймалъ — ни много, ни мало — пять пуль, съ которыми и скитаюсь теперь по разнымъ госпиталямъ. 29 ноября нѣмцы при атакѣ подошли къ нашимъ окопамъ. Мнѣ съ товарищемъ сдаваться не хотѣлось, и мы кинулись бѣжать. Нѣмцы въ это время были уже на окопѣ и принялись въ насъ стрѣлять. Одна пуля попала мнѣ въ ступень правой ноги. Я на минуту присѣлъ. Окружавшіе насъ нѣмцы погнались за мной, я вскочилъ на ноги и побѣжалъ. Въ то время меня еще дважды ранили: одна пуля въ локоть, а другая въ тазовую кость и вышла въ пахъ.

Туть меня малость ошеломило. Кромѣ того, одинъ осколокъ кости попалъ подъ нервъ и мѣшалъ бѣжать. Вижу — не пускаетъ дальше нѣмчура; сѣлъ я на землю и принялся за перевязку. Только окончилъ перевязку,

вижу—подходить германецъ и машетъ рукой: „бросай винтовку!“

Дѣлать нечего—пришлось сдаваться. Повели нѣмцы меня къ себѣ, въ окопы. Тутъ я рѣшилъ: не пойду на своихъ ногахъ, а если угодно, пусть тащатъ на носилкахъ. Показываю на раны и знаками прошу носилки. Но одинъ изъ новыхъ моихъ друзей взялъ меня подъ руку и помогъ дойти до нѣмецкаго окопа безъ носилокъ.

Въ окопѣ присѣлъ на землю. Окружили меня нѣмцы, и пустились въ разговоры. Они не понимаютъ порусски, а я повѣмецки. Благодаря этому, разговоръ нашъ продолжался не долго. Одинъ пріятель принесъ коробку сигаръ и меня сигаркой угостилъ. Спрашивалъ, кто я такой: полякъ, русь или сибирь. Сибиряковъ они ненавидятъ, какъ казаковъ. Отвѣтилъ имъ, что я сибирь. Потомъ знаками спрашиваютъ меня: сколько у тебя ребятъ? Говорю—четверо.—Сколько тебѣ лѣтъ? Отвѣчаю—тридцать. Дальше стали спрашивать, правда-ли, что русь въ плѣну нѣмцевъ докалываютъ. Я сперва не понялъ вопроса, но одинъ изъ нѣмцевъ взялъ винтовку и штыкъ направилъ мнѣ въ грудь. Ну, думаю, конецъ пришелъ; даже волосы дыбомъ встали. Потомъ дѣло разъяснилось, и я растолмачилъ имъ, что плѣнные у насъ гулять ходятъ, чай пьютъ и ѣдятъ досыта и въ Сибири, и въ Россіи, а вотъ вы, нѣмцы, прикалываете. Нѣмцы затрясли головой и увѣряли, что они плѣнныхъ въ Германію отправляютъ.

Во время разговора одинъ нѣмецъ сознался, что онъ-то и подстрѣлилъ меня.

— Недобросовѣстно,—говорю,—это съ твоей стороны. Шутка сказать—три пули засадили.

Смѣется.—„А зачѣмъ, говорить, бѣжалъ!?“

Спросилъ тутъ я ихъ: что дальше со мной будетъ. Мнѣ отвѣтили, „спать, свѣтъ, Германія.“ Это я понялъ такъ, что завтра придутъ санитары и отправятъ меня въ Германію.

Меня отвели въ угловой окопъ и оставили одного. Ночью поднялась бѣготня. Узналъ, что нѣмцы новый окопъ начали дѣлать. Обо мнѣ не заботились: куда-де ему бѣжать раненому!

Оглянулся я туда и сюда, захватилъ шинелку, рука на перевязи, въ одномъ сапогѣ, и маршъ къ своимъ. Тутъ еще двѣ „мухи“ поймалъ. Одна въ грудь со скользкомъ, другая въ руку пониже ладони. Вижу дѣло плохо. Сбросилъ я шинелку и поползъ на—четверенькахъ, а потомъ и на ноги всталъ, пошелъ. Дошелъ до пустого окопа, спустился въ него и тутъ укрылся отъ опасности.

Было темно; моросилъ дождикъ. Поползъ дальше. Вижу—березничекъ. Я къ нему. Оказалось, это идутъ нѣмцы. Смерть! Притворился мертвымъ. Прошли мимо, а я поползъ дальше.

Доползъ еще до пустого окопа. Въ окопѣ было много соломы и устроена крышка; лежали тутъ же два нашихъ убитыхъ солдата. Усталъ, замерзъ, промокъ, къ тому—же и пить захотѣлось смертельно.

Рѣшилъ отдохнуть на соломѣ подъ крышей и устроился тутъ добро.

Взялъ у одного убитаго солдата кружку, приноровилъ ее къ краю окопа. Набѣжитъ въ кружку капель пять дождевой воды, а я ихъ на языкъ. Отдохнувъ немного, направился дальше.

Слышу пули свистятъ. Значить, и наши гдѣ-нибудь недалеко.

Взялъ я вправо и послѣ долгихъ мытарствъ пришелъ въ нашъ окопъ прямо въ 10 роту. Смотрю—наши медвѣдскіе. Постелили мнѣ солдаты шинель, покрыли шинелью и дали покурить. Изъ 11 роты пришли носильщики; одинъ изъ нихъ нашъ прихожанинъ, изъ Дорогиной Заимки; и понесли меня на перевязочный пунктъ. Фельдшеръ перевязалъ мнѣ раны. Было не очень больно. Я терпѣлъ и даже отшучивался.

Потомъ пришелъ офицеръ, спросилъ меня, все

записаль и далъ мнѣ папирось. Потомъ пришелъ бригадный генераль. Я хотѣлъ было встать. Не позволилъ. Тоже спрашивалъ о моихъ приключеніяхъ и все записаль. „Когда, говорить, выздоровѣешь—приходи въ мою часть. Мнѣ такіе нужны.“

Послѣ перевязки отправили въ Гродно въ лазаретъ. Тутъ дали мнѣ знать себя мои раны: чуть не умеръ. Спасибо главному врачу. Только благодаря его заботамъ, не отправился я на тотъ свѣтъ. Худо было, какъ пули вытаскивали, а еще хуже какъ осколки кости вырѣзали. Цѣлыхъ пять осколковъ! Однако-же я отъ хлороформа отказался; посмотрю-де самъ, что они со мною будутъ дѣлать.

По статуту долженъ я за побѣгъ изъ плѣна получить Георгія. Одного Георгія уже имѣю. Получилъ подъ Лыкомъ.

Сперва при одномъ воспоминаніи о моихъ приключеніяхъ 29 и 30 ноября у меня мурашки по спинѣ бѣгали. А теперь, когда раны мои стали подживать, я пожалуй, и снова на позиціи готовъ итти.

Теперь я лежу въ лазаретѣ въ Самарѣ. Всѣ дыры мои запаяли. Только въ паху сквозить. А то все честь честью: претензій не имѣю!

Константинъ Пасшакъ.

(Тск. В.)